

УДК 821.111-2 (049.32)

«ХОД ВЕКОВ ПОДОБЕН ПРИТЧЕ...»¹

Елена Георгиевна Доценко

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Уральский государственный педагогический университет

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. dotsenko@mail.ur.ru

В рецензии представлена новая книга С.Г.Комарова «Поэтика притчи в британской драме XX века: проблема конфликта и композиции» (2011). Отмечается, что автор монографии, обращаясь к особенностям функционирования притчи в театре Великобритании, исследует творчество британских драматургов от Дж.Б.Шоу до Э.Бонда. Жанр притчи рассматривается исследователем как ведущий свое происхождение от сакральных истоков. Подчеркивается также, что в литературе XX в. возможности притчи актуализируются благодаря имплицитному или эксплицитному присутствию в произведении библейских архетипов и аллюзий на евангельские сюжеты. Рецензентом делается вывод о высокой теоретической значимости монографии.

Ключевые слова: С.Г.Комаров; британская драма; притча; миф; библейский архетип; Дж.Б.Пристли; Р.Болт; Э.Бонд; П.Шеффер; Б.Фрил.

В отечественном литературоведении сложилась достаточно устойчивая традиция рассматривать британскую (а также американскую, т.е. можно в целом обозначить – англоязычную) драму большими периодами, блоками, этапами. Примечательно, что речь, как правило, не идет о направлениях или течениях в качестве объединяющей тенденции, а актуализируется хронологический срез: в поле зрения исследователей попадает «современность», десятилетие или треть/четверть/половина века [Бабенко 1988; Доценко 2005; Меркулова 2005; Соловьева 1982; Шестаков 1968]. С.Г.Комаров в своей монографии следует в этом смысле сложившейся традиции, доводя объект изучения до драматургии целого, XX, столетия. Глобальной переоценки взглядов на развитие британской драмы, прославленной знаменитыми авторами и столь разнообразной на протяжении века, автору монографии удается избежать благодаря эффектно заданному аспекту исследования – «Поэтика притчи в британской драме XX века».

В поле зрения ученого не должны, соответственно, попасть все драматургии XX в. (панорамность не задана названием), но С.Г.Комаров не стремится представить читателю наиболее «репрезентативные» в плане эволюции британской драматургии фигуры – и в этом отличие новой книги от большинства отечественных работ по английской драме, зато внимание достаточно равномерно распределено между представителями всех периодов и даже десятилетий XX в.:

Дж.Голсуорси, Дж.Б.Шоу, С.Моэм, Дж.Б.Пристли, Р.Харвуд, Дж.Арден, Р.Болт, Г.Пинтер, Э.Бонд, П.Шеффер, Б.Фрил. Поскольку в качестве определяющей характеристики изучаемого феномена обозначается содержащийся в драме-притче «нравственно-философский комплекс» [Комаров 2011: 27], вероятно, не следует удивляться, что в интерпретации исследователя пьесы если не Голсуорси и Моэма, то, во всяком случае, Дж.Б.Пристли более значимы для данной тенденции в британской драматургии, чем произведения Г.Пинтера. Эта мысль напрашивается и по ходу чтения работы, но в финальной фразе книги звучит совершенно отчетливо: «Драма и на рубеже XX–XXI веков продолжает играть изначально предназначавшуюся искусству роль – “глаголом жечь сердца людей”, а не погружать зрителей во мрак экзистенциальной безысходности, “закидывая” его бесчисленными “пинтересками”» [там же: 261].

Как правило, компаративистский подход к пьесам разных драматургов в рецензируемой книге связан с аналитическими задачами, и автор монографии предлагает оригинальные сопоставления, выявляя закономерности функционирования «притчевой модальности» у Шеффера и Брехта, Пристли и Болта, Бонда и Фрила. И сами авторы, и многочисленные традиции, прослеживаемые в британской драме, до сих пор были исследованы неравномерно: чье-то творчество (кстати, именно Пинтера) привлекает внимание постоянно, кому-то везет меньше, и лакуны, без-

условно, требуют восполнения. Так, в авторитетной Кембриджской истории Британского театра (т. 3 : «Начиная с 1895 г.») пьесы Дж.Б.Пристли подробно не рассматриваются, хотя сама деятельность драматурга неоднократно упоминается как М.Б.Гейл в разделе «Лондонская сцена, 1918–1945», так и Б.Кершоу в главе «Британский театр, 1940–2002» [The Cambridge History of British Theatre 2004]. Имена С.Моэма и Дж.Голсуорси встречаются в кембриджском издании лишь по одному разу [там же: 10, 15]. В работе С.Г.Комарова анализируется «Роль мифологемы “мирового древа” в создании притчевого конфликта драмы Дж.Голсуорси “Джой”» (пар. 1.2.), причем обращение автора монографии к мифологеме мирового древа хочется в целом отнести к бесспорным удачам исследования: «древо мира» как образ-символ подробно и убедительно интерпретируется на примере пьес М.Фрила «Почетные граждане», «По доброй воле», «Нужен перевод». В пьесе Р.Болта «Человек на все времена» сценическая вертикаль – лестница – рассматривается как «неразрывно связанная с христианской традицией и означает восхождение по Кресту» [Комаров 2011: 169].

Что касается традиций драматических, то они выявляются в пьесах Болта, Фрила, Бонда как представителей литературы второй половины XX в. С.Г.Комаров посвящает объемный и весьма содержательный раздел своей монографии (пар.1.2.) «Роли чеховской традиции в создании притчевого дискурса». Закономерно фигурирует в работе, посвященной драматической притче XX в., и традиция Б.Брехта. К сожалению, британская драматическая притча не так подробно рассмотрена в связи с жанровыми экспериментами Дж.Б.Шоу: «Творчество Шоу изучено больше, нежели драматическое наследие Моэма и Пристли, и сама шовианская традиция в последующей драме исследована обширнее» [там же: 77]. Актуальным для проведенного исследования автору представлялось, соответственно, обращение к «пристлиевской традиции».

Творчество Дж.Б.Пристли последовательно изучается С.Г.Комаровым в трех из четырех глав монографии: «Конфликт и композиция драмы-притчи в свете мировой драматургической традиции» (гл.1), «Своеобразие притчевого конфликта» (гл.2), «Библейские архетипы как фактор порождения притчевой композиции» (гл.4). Можно сказать, что Пристли (конкурируя разве что с М.Фрилом, чьи пьесы тоже проанализированы очень внимательно) – для данной работы фигура принципиально значимая, помогающая максимально полно проиллюстрировать авторскую концепцию притчи и притчевости в британской драме. С.Г.Комаров драматическую

притчу понимает как восходящую к традиции «классической» притчи, имеющей сакральное происхождение: «...в нашем исследовании... под притчей подразумевается в первую очередь *библейская*, точнее – *евангельская* притча, органично воспринятая европейскими писателями и нашедшая многообразные формы и способы проявления в литературе XX столетия» [Комаров 2011: 13]. Дж.Б.Пристли в этом смысле оказывается драматургом, логично попадающим в сферу интересов исследователя, т.к. произведения Пристли характеризуются «принципами поэтики, сформировавшимися под влиянием христианского мировоззрения автора» [там же: 94]. Знаменитые «драмы времени» английского писателя С.Г.Комаров исследует, противопоставляя в них внешнюю детективную основу внутреннему конфликту, а жизнь «ненастоящую» «настоящей», которая и осмысливается «в соответствии с христианской традицией» [там же: 106]. В результате анализ пьес «Инспектор пришел», «Опасный поворот», «Время и семья Конвей» предложен в монографии действительно глубокий и тонкий – выводящий на многочисленные параллели в творчестве других авторов и обнаруживающий внутренние закономерности в драматургии самого Пристли.

Христианские мотивы, играющие, по мнению исследователя, определяющую роль для выявления «притчевой валентности» пьес, – наиболее концептуально значимая и одновременно открытая для полемики проблема. Само по себе обращение к вопросу о соотношении религии и литературы трудно не считать актуальным (вспоминаются, в частности, проходившая в Перми в 2004 г. конференция «Библия и национальная культура» и межвузовские сборники научных статей под тем же названием [Библия и национальная культура 2004, 2005]). Сложность определения притчи и аспектов ее взаимодействия с мифом, религией, другими философскими жанрами подтверждается солидным обзором литературы, представленным в монографии. Анализируя работы, посвященные как традиции притчи, так и современному ее бытованию, С.Г.Комаров останавливается на множестве определений притчи, только в последние, уже 2000-е, годы сформулированные, например, в работах М.А.Кечеруковой, А.Г.Краснова, С.В.Мельниковой, Л.И.Кушнारेвой и др. [Комаров 2011: 9–12]: обзор литературы по этому вопросу в монографии едва ли не исчерпывающий. В упрощенном варианте под притчей часто понимается любое иносказание, позволяющее сделать дидактический вывод. «Классическая притча включает в себя “два плана изображения – конкретный и универсальный”». Конкретный план – это внеш-

ний событийный ряд, универсальный – внутренний сюжет, который обнаруживается благодаря толкованию» [Комаров 2011: 28]. То, что толкование в данном случае может быть связано с религией, пояснено в уже ставшем хрестоматийным словарном определении С.С.Аверинцева: притча «с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной премудрости религиозного или моралистического порядка» [Аверинцев 1987: 305].

Точка зрения, согласно которой притча рассматривается ученым как имеющая прямую и исключительную связь с христианством, в качестве авторской концепции кажется не только заслуживающей право на существование, но и плодотворной, позволяющей рассмотреть нравственный потенциал драматургии. Кроме того, С.Г.Комаров к интерпретации того или иного сюжета, восходящего к ветхозаветному или новозаветному тексту, относится отнюдь не формально и неоднократно апеллирует к библейской экзегетике, предлагая глубокие размышления и заключения.

Другое дело, что из-за исходной установки «притча и христианство» несколько запутанным оказывается как вопрос о жанровой природе притчи (и ее сакральном статусе), так и современный притчевый функционал. Не совсем понятно, осмысливается ли «классическая» притча как евангельская по происхождению и как в таком случае воспринимать Книгу Притчей Соломоновых, о которых исследователь не говорит совсем (если не считать упоминания о восточной притче, выходящей за рамки исследования). Обязательная заданность библейской архетипики на уровне притчи тоже способна вызвать сомнения. Автор монографии рассматривает архетипы Иова, «милосердного самарянина», «блудного сына» и, наконец, Спасителя. И хотя инверсированный вариант анализируемого архетипа исследователем тоже объясняется, вопросы все же остаются. Например, почему архетип Спасителя обнаруживается в британской драме XX в. только в инверсированном варианте, другими словами, почему персонажи этого типа (в отличие от милосердного самарянина) даже не пытаются нести добро? Почему Гекуба в пьесе Э.Бонда «Женщина» представляет архетип Иова, а не архетип Гекубы? И, раз уж речь зашла о Древней Греции, можно задаться вопросом о духовно-нравственном потенциале древнегреческой, дохристианской трагедии – буквально по Ф.Ницше: «Рождение трагедии из духа музыки». Поскольку речь идет о драматическом роде литературы, хотелось бы уточнить, в какой мере философское начало (философское содержание) в притче соотносимо или не соотносимо с философским

конфликтом в трагедии. Последний из тезисов, впрочем, в работе активно дебатруется.

Монография С.Г.Комарова вводит в литературоведческий обиход целый ряд классификаций, связанных с поэтикой драматической притчи XX в. Так, притчевость подразделяется на традиционную и миметическую, «имплицитную по форме выражения». Притчевый конфликт рассматривается в «трех разновидностях – экзистенциальной, пасхальной и “брехтовской”» [Комаров 2011: 259]. Здесь вновь можно отметить, что «пасхальный» вариант конфликта наиболее доказательно рассмотрен в работе в связи с творчеством ирландского драматурга Б.Фрила. Наконец, в монографии анализируются также три типа «сюжетной театральности: демоническая, экстатическая и эксцентрическая» (пар. 3.2.). Подобные термины выглядят несколько усложненными, но научная классификация и систематизация и не направлены на упрощение восприятия этого очень солидного исследования, зато подчеркивают безусловную теоретическую значимость работы.

Примечание

¹Строки из стихотворения Б.Пастернака «Гетсиманский сад». См. также: “The progress of the ages, like a parable, / In mid course may suddenly take flame...” (*Pasternak B. Gethemane’s Garden, trans. by Ch.Barnes*).

Список литературы

- Аверинцев С.С. Притча // Лит. энцикл. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С.305.
- Бабенко В.Г. Драматические жанры и их взаимодействие: Английская и ирландская драматургия. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. 152 с.
- Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. / Перм. ун-т; отв. ред. Н.С.Бочкарева. Пермь, 2004. 320с.
- Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. / Перм. ун-т; отв. ред. Н.С.Бочкарева. Пермь, 2005. 168 с.
- Доценко Е.Г. С. Беккет и проблема условности в современной английской драме / Урал.гос.пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. 391с.
- Комаров С.Г. Поэтика притчи в британской драме XX века: проблема конфликта и композиции. Ярославль: Ремдер, 2011. 288 с.
- Меркулова М.Г. Ретроспекция в английской «новой драме» конца XIX– начала XX века: истоки и функционирование. М.: Прометей, 2005. 184 с.

Соловьева Н.А. Английская драма за четверть века (1950–1975): В.1. М.: Изд-во МГУ, 1982. 84 с.

Соловьева Н.А. Английская драма за четверть века (1950–1975): В.II (семидесятые годы). М.: Изд-во МГУ, 1982. 84 с.

Шестаков Д.П. Современная английская драма. (Осборновцы). М.: Высш. шк., 1968. 91 с.

The Cambridge History of British Theatre. Vol.3: Since 1895 / ed. by V.Kershaw. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 562 p.

Pasternak B. The Poems of Doctor Zhivago / trans. by Ch.Barnes // Toronto Slavic Quarterly. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/10/barnes10.shtml> (дата обращения: 03.05.2012).

**“THE PROGRESS OF THE AGES, LIKE A PARABLE,
IN MID COURSE MAY SUDDENLY TAKE FLAME...”**

Elena G. Dotsenko

**Professor of Russian and Foreign Literature Department
Ural State Pedagogical University**

The monograph “The Poetics of Parable in 20th century British Drama: the Problem of Conflict and Composition” (2011) by S.G.Komarov is reviewed as a new interesting and productive research, devoted to the genre of parable and to the theatre of the United Kingdom. The author of the monograph analyses the functions of the parable in British theatre on the data of the 20th century drama from G. Bernard Shaw to Edward Bond. S.G.Komarov regards the parable as a genre, which has sacral roots. It is emphasized that the potential of the parable is actualized in modern and contemporary literature due to implicit or explicit Biblical archetypes and allusions to the New Testament. In the review high theoretic relevance of the monograph is outlined.

Key words: S.G.Komarov; British drama; parable; myth; biblical archetype; J.B.Priestley; R.Bolt; E.Bond; P.Shaffer; B.Friel.